

ВЕЧНЫЙ»

замечательная из встречавшихся мне женщин», — записывает он в дневнике. Их роман длился три года и завершился браком (кстати, они обвенчались за два месяца до смерти Достоевского — в ноябре 1880-го). «Женщиной Достоевского» Аполлиария Суслова была для Розанова только вначале. Потом — потом он писал: «В характере этом была какая-то гениальность (именно темперамента), что и заставило меня, несмотря на все мучения, слепо и робко ее любить».

С Достоевским же, я думаю, все было еще сложнее и мучительнее. Отношения Федора Михайловича с Аполлиарией Сусловой остаются загадкой. И я вообще бы предпочла, чтобы эта загадка осталась неразгаданной. Иначе вся таинственная сторона любви, ее непостижимый смысл — вместе с «роковыми женщинами» и «роковыми мужчинами» просто перестанет существовать.

— А разве в России были «роковые мужчины»?

— Как же: это ведь Достоевский сочинил Ставрогина, «демонического мужчину!» Для Достоевского, кстати, таким «роковым» типом мужчины был Печорин, Лермонтов... Помните, когда Аполлиария Суслова в Париже рассказала Достоевскому о своем увлечении

и темным. Что-то, мучавшее ее, побудило написать Достоевскому письмо: «За любовь свою никогда не краснела: она была красива, даже грандиозна. Я краснела за наши прежние отношения...» «Отношения» были для нее мучительными чуть ли не сразу. То, что для Достоевского было, как она пишет, приличным, то для нее стало источником унижения и оскорбления: серьезный и занятой человек «не забывает и наслаждаться, на том основании, что какой-то великий доктор утверждал, что пьяным нужно выпить раз в месяц». Заметьте, это пишет негиллистка, эмансипантка. Она испытывает чувства, которые испытывала бы любая девушка или женщина на ее месте: она стыдится связи, методических «отношений» с женатым мужчиной. И она

пишет Достоевскому, что хотела прервать эти отношения много раз...

Второй поворотный момент в их связи наступает во время ее поездки в Париж и четырехмесячного ожидания Достоевского. Однако пока он оформлял заграничный паспорт, брал у литературного фонда деньги для путешествия и лечения, у его подруги в Париже приключается новый роман — молниеносная любовная связь, которая началась и закончилась почти в неделю. Эта неделя ее испепелила. Она была все на свете, обезумела, готова была ехать с Сальвадором хоть в Америку, лишь бы позвал... И только с момента, когда она почувствовала,

что студент-испанец, в которого она была так отчаянно и безоглядно влюблена, ее обманывает, и начинается ее знаменитый Дневник.

Представьте себе ситуацию: наконец-то приезжает Достоевский — когда с испанцем все кончилось. Оставались обида, злорада, жажда мести. Она всерьез размышляла о самоубийстве и сожгла свои бумаги, письма. Любая заурядная женщина скрыла бы из практических соображений факт своей измены, тем более что скоропалительный роман закончился некрасиво... Но Аполлиария посвятила Достоевского во все тонкости своей страсти и подвигла его на сомнительную роль «друга и брата»... Она говорит Достоевскому слова, которые обожгли его; спустя годы эти слова будут произносить героини его романов: «Ты немножко опоздал приехать».

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
ДОСТОЕВСКОГО

— Ты отдалась ему совершенно? — спрашивает он ее. — Ты счастлива? — Нет, — отвечает она. — Как же это? Любишь и несчастлива, да возможно ли это? — Он меня не любит.

И Достоевский сказал ей: «О Поля, зачем же ты так несчастлива!» Он пытается... утешить ее: мол, на это не нужно обращать внимания, она, конечно, загрязнилась, но это случайность... А она не может ничего забыть и не может через эту «случайность» переступить.

Вот в таком умонастроении они едут путешествовать по Италии. Роль «друга и брата» Достоевскому дается с трудом. Она же входит во вкус рискованных положений. Она чувствует, что стала вдвойне соблазнительной для Достоевского, — и начинает в это играть, мучает и дразнит своего бывшего возлюбленного...

— Стерва! Здесь Гиппиус права на все сто!

— Вряд ли этим ругательством можно объяснить все, что с ней происходило. Ее жгло и мучило недавнее оскорбление, ей было больно и хотелось мстить «им всем». И ей было всего 24 года.

А скажите мне, была бы она меньшею стервой, если, скажем, немедленно забыла бы свою недавнюю любовь и вернулась к Достоевскому из благодарности, за то что он ее простил?!

— Это укладывалось бы в стереотипное русло поведения русской девушки...

— Не забывайте, это была другая женщина! Она путешествовала и жила за границей одна, могла позволить себе любовную связь вне брака и не очень заботилась об общественном мнении.

Но вот смотрите: Анне Григорьевне Достоевской и дочери писателя, Любови Федоровне, видимо, было недостаточно того, что Аполлиария Суслова, имея репутацию эмансипантки, позволила себе нигилистическую роскошь — иметь женатого любовника. Им нужно было еще привести ее к Достоевскому

«служительницей Венеры» — так пишет о ней в своих воспоминаниях Любовь Федоровна; мол, переходила от одного студента к другому, а бедный Достоевский ничего этого не видел, не знал, не по-дозревал...

— Вы довольны книжкой? Она получилась такой, какой замысливалась?

— Конечно, нет. Когда пишешь книгу, которая имеет подзаголовок: «Аполлиария Суслова: биография в документах, письмах, материалах», то довольной можно быть лишь, если найдено все возможное и документальная программа исчерпана. У меня нет чувства исчерпанности темы, завершения поисков. Наоборот, у меня есть надежда, что только сейчас все начнется. На меня могут выходить какие-то люди, у которых хранятся письма, записки, воспоминания...

Посмотрите, из огромной переписки Достоевского и Сусловой (а переписка их была весьма интенсивной, она насчитывает, я полагаю, до сотни писем с той и с другой стороны) до нас дошло только три письма Достоевского и два черновика писем Сусловой к нему. Конечно, многие из этих писем утрачены навсегда. Так, 1 сентября 1863 года Аполлиария Прокофьевна сожгла, как она пишет в Дневнике, компрометирующие ее бумаги. Это была первая акция по уничтожению следов их любви. Думаю, здесь могли быть ранние дневниковые записки, относящиеся к самому первому этапу ее отношений с Достоевским. Это — самый драгоценный материал: нам ничего не известно об этом периоде — ни когда они познакомились, ни как это произошло. Есть только версии. По-видимому, этот пласт документов утрачен навсегда.

Многие письма Аполлиарии Сусловой, адресованные Достоевскому, могли быть уничтожены, по понятным причинам, его женой, Анной Григорьевной Достоевской. Точно так же не сохранились многие письма Достоевского к Аполлиарии Сусловой. Причина? В 1866 году у Сусловой был обыск, тогда у нее отобрали все бумаги без исключения — и вряд ли ей удалось все это вернуть. Тем не менее в уходящем году мне посчастливилось найти много документов. Значит, материалы, относящиеся к биографии моей героини, еще есть. Очень надеюсь на Иваново, где долгое время жили родители Сусловой и где она сама

жила в конце 1860-х годов. Надеюсь на архивы В.В.Розанова — не вечно же они будут недоступны.

Большие надежды я связываю с Севастополем — городом, где Суслова прожила последние 16 лет и где в 1918 году умерла. Из этого периода мало что сохранилось: мне удалось найти два ее севастопольских адреса и небольшую часть переписки этого времени. Но ни мне, ни севастопольским краеведам не известна пока могила Аполлиарии Сусловой. Думаю, поиски ее еще впереди.

Ни в коем случае не хочу и не могу утверждать, что моя книга — каноническая биография Сусловой. В книге собрано все то, что удалось найти на сегодняшний день. Я очень рассчитываю, что моя книга привлечет к себе держателей архивных ценностей. Я знаю точно, в Москве есть библиофилы, которые держат в тайне имеющиеся у них документы. Например, по Москве ходит письмо Сусловой 1915 года, в котором она отвечает своему племяннику Е.П.Иванову на вопрос, не хочет ли она уже опубликовать свои бумаги, связанные с Достоевским? Мне цитировали это письмо, но выйти на его владельца я пока не смогла. Аполлиария Прокофьева



испанцем Сальвадором, первый вопрос, который писатель ей задал, — «Что это за человек?» «Когда я сказала ему, — пишет Суслова, — что это за человек, он сказал, что в эту минуту испытал гадкое чувство: ему стало легче, что это не серьезный человек, не Лермонтов». И Достоевский даже успокаивал Аполлиарию: «Это гадость, которую нужно вывести порошок; глупо себя из-за него губить».

Но очень скоро их личные, глубоко интимные отношения были осложнены чем-то тяжелым



евна отвечала племяннику в этом письме: нет, пока еще рано. Пока я жива, публиковать бумаги не буду...

Рассчитываю, что эти материалы рано или поздно выйдут наружу, как вышло наружу письмо 1876 года: мне любезно его предоставил московский библиофил Николай Васильевич Паншев. Это письмо заполнило белое пятно целых пяти лет... Точно так же и другие библиофилы, пожелавшие остаться неизвестными, давали мне для книги важные сведения и фотографии.

— Сплошные тайны, загадки...

— С этой книгой, очень личной, связано вообще много приключений... Создание ее обернулось для меня настоящим авантюрным романом...

— ...Который когда-нибудь вы обязательно должны написать.

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.

Достоевский Федор Михайлович

3.1.95